

На правах рукописи

ОВОДОВА Светлана Николаевна

**АНТРОПОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ:
СУЩНОСТЬ И СПОСОБЫ ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ**

Специальность 09.00.13 – философская антропология,
философия культуры (философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Омск – 2015

Работа выполнена на кафедре философии
ФГБОУ ВПО «Омский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Нефедова Людмила Константиновна

Официальные оппоненты: *Спирова Эльвира Маратовна,*
доктор философских наук, заведующая
сектором истории антропологических
учений, ФГБУН «Институт философии
Российской академии наук»;

Хлебникова Ольга Владимировна,
кандидат философских наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Омский государственный
университет путей сообщения», доцент
кафедры истории, философии, культуроло-
гии

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Российский
государственный профессионально-
педагогический университет»

Защита диссертации состоится 15 октября 2015 г. в 10:00 на заседании совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д 212.177.03 при Омском государственном педагогическом университете по адресу: 644099, г. Омск, наб. Тухачевского, 14, ауд. 212.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Омского государственного педагогического университета:
<http://www.omgpu.ru/zashchita-dissertaciy>.

Автореферат разослан 25 августа 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Варова Наталья Леонидовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется современным состоянием культуры. В конце XX и начале XXI в. культура переживает девальвацию мегапроектов модерна, смену принципов коммуникации, расширение медиасреды, стирание границ между частным и публичным пространством, использование человека в качестве объекта научных изысканий в области биотехнологий. Все это актуализирует вопрос о статусе человека в культуре, указывает на необходимость философского осмысления принципов создания соразмерной человеку культурной среды и анализа культурных тенденций, модифицирующих человеческую природу и меняющих привычные культурные практики повседневности.

Культура, безусловно, создается человеком, но человек вписан в систему культуры наряду с иными ее элементами и также подвержен трансформации: современная культура становится все более символичной и симулятивной; менеджмент в сфере современной культуры в большинстве своем целевой, а не ценностный; культурные проекты по-прежнему создаются во имя «высоких» идеалов, оторванных от реального человека, вынужденного им соответствовать, но не связывающего с ними содержание собственной жизни. Таким образом, культура будто бы существует по своим законам, но антропологическая катастрофа в культуре происходит по вине человека.

Несмотря на антропологический, лингвистический и визуальный повороты, породившие парадигмальные сдвиги в науке, использование антропологических параметров даже в гуманитаристике все еще является редкостью, что подчеркивается отсутствием терминологического аппарата для антропологических исследований (в частности, эта проблема поднимается в работах К. Платта, Н. Поселягина), что не может не требовать переосмысления сущности культурной реальности с философско-антропологических позиций.

Развитие современного научного знания ориентировано на человека, однако антропологизация науки осуществлялась без опоры на философское понимание антропокультурной реальности. В то же время человек в конкретно-научных исследованиях всё чаще рассматривается не как элемент наряду с другими элементами, а как доминанта, задающая тон разработкам в целой научной области, что приводит к трансформации методологии научного исследования и актуализирует задачу осмысления антропокультурной реальности. Новой точкой отсчета в науке становится человек, его повседневное бытие обуславливает культуру, а не наоборот.

Кажущаяся очевидной необходимость соединения человека и культуры в гуманитарных науках на деле осуществляется крайне редко. В то же время акцент на антропологической составляющей позволяет отойти от проблемы абстрактного человека к человеку, детерминированному опреде-

ленной культурой, социумом, регионом, иными срезами антропокультурной реальности. Перед современной философией, уже не имеющей возможности дистанцироваться от описанных процессов, стоит актуальная задача вскрыть механизмы, по которым происходит сопряжение человека и культуры.

Актуальность обращения к антропологической проблематике в рамках специальности философской антропологии и философии культуры выражается в том, что в отечественных диссертационных исследованиях все чаще стали употребляться такие синтетические понятия, как «антропокультурный», «социокультурный». Однако должного определения эти терминологические конструкции в работах не получают, большинство авторов интуитивно фиксируют смысловую неполноту, возникающую вследствие употребления одной из описательных моделей, культурфилософской или философско-антропологической. Частота, с которой в названиях диссертаций и монографий используется предикат антропокультурный, не является индикатором разработанности проблемы. Чаще всего при использовании термина «антропокультурный» указывается на иное измерение реальности, отличное от тех измерений, которые закреплены в философии и концептуально оформлены, например культурного, социального, антропного. При этом специфика антропокультурного измерения, его своеобразие авторами не обосновываются, зато позволяют одну часть работы посвятить культуре, а другую часть – человеку. Полагаем, что антропокультурный подход в философии имеет право на существование и реализацию наряду с культурфилософским и философско-антропологическим, так как антропокультурная реальность представляет собой не механическое соединение антропологического и культурологического подходов, а порождает новое качество связывания между собой человека и культуры.

Осмысление понятия антропокультурной реальности позволяет выявить происходящие в современной культуре и философии культуры антропологические сдвиги, выражающиеся как в вынесении за скобки антропологической составляющей, так и в переориентации исследований на антропологическую проблематику.

Степень разработанности проблемы

Проблема отношения понятий *реальности* и *действительности* рассматривалась с позиции онтологического, гносеологического и антропологического подходов. Феномен виртуальной реальности проанализирован в трудах В. С. Бабенко, С. И. Орехова, Ф. Хаммет, Е. А. Шаповалова.

В онтологическом подходе дифференцированы бытие (объективная реальность) и мышление (субъективная реальность). Специфика онтологического подхода состоит в рассмотрении реальности и действительности как онтологических, бытийных феноменов, их вписанности в единую картину мира (Демокрит, Парменид, Платон, Аристотель, Боэций, Р. Декарт,

Б. Спиноза, Г. В. Лейбниц, В. Ф. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель, В. Г. Белинский, К. Маркс, М. Хайдеггер, Н. И. Мартишина).

Гносеологический подход. В его основании находится сенсуализация мышления Декартом, связавшим существование с пониманием. Данный подход реализован в немецкой классической философии, распространившей качества рационального способа познания на познание вообще, а также в философии жизни, подчинившей мышление воле. Помимо работ И. Канта, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, А. Бергсона, в рамках этого подхода необходимо выделить исследования Г. Риккерта, Э. Кассирера, Н. Гудмена, рассматривающих познание реальности в модусе частичности, условности, поливариативности.

Антропологический подход фиксирует деление реальности на объективную (внешнюю по отношению к человеку) и субъективную (внутреннюю, связанную с активностью человеческого сознания). В русской религиозной философии реальность рассматривается через активную деятельность человека (Н. А. Бердяев, С. Л. Франк). В философии постмодернизма постулируется конструируемость реальности (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Р. Барт, Ю. Кристева, У. Эко, Ж. Бодрийяр, С. Жижек, В. Руднев).

Рассмотрение культурной реальности средствами историко-типологического подхода осуществляли: Г. В. Ф. Гегель, И. Г. Гердер, Н. Я. Данилевский, И. Баховен, Ф. Ратцель, Л. Фробениус, Ф. Гребнер, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Флоренский, П. Сорокин, Ф. Нортроп, К. Маркс, Х. Ортега-и-Гассет, К. Г. Юнг, С. С. Аверинцев, В. С. Степин. Указанные авторы не рассматривают конкретно-культурное бытие человека, разрабатывая классификации существующих культур на основе выявленных ими критериев.

Культурная реальность как система взаимодействия людей была исследована О. Контом, Э. Дюркгеймом, П. Сорокиным, Т. Парсонсом, П. Бурдьё, Д. Беллом, Н. Луманом, Р. Мертоном. В работах этих авторов присутствует необходимое для данного подхода обобщение, человек рассматривается типологически, нормативно, схематически.

Анализ культуры сквозь призму психологических характеристик человека осуществлен З. Фрейдом, К. Г. Юнгом, Э. Фроммом, А. Менегетти, Ж. Лаканом, Г. Маркузе. Данный подход представляет культуру как репрессивный феномен, актуализирует необходимость приспособления к культурной норме, но не выявляет собственно антропологический аспект в культуре.

В. Дильтей, Ф. Ницше, В. Виндельбандт, Э. Кассирер, Г. Риккерт, П. Сорокин, Н. Гартман, М. Вебер, М. С. Каган, Ю. Хабермас, С. Ф. Денисов, Н. С. Розов рассматривают культуру как систему ценностей и благ, что позволяет связать человека и культуру и выявить значимые для человека

аспекты и формы культуры, однако не предлагают способы гармонизации культурного бытия человека с учетом выделенных ценностей.

Проблема реконструкции целостной культурной реальности с учетом ментальности была поставлена представителями школы «Анналов». В трудах Л. Февра, М. Блока, Ж. Ле Гоффа, Ф. Броделя, А. Я. Гуревича, Л. Баткина культура осмыслялась через повседневность и ценностную картину человека, но исследования школы «Анналов» не выходили за пределы исторической науки, а методология не применялась к современной культурной реальности.

Изучением повседневного бытия человека, феноменов повседневной культуры, взаимосвязи между индивидуальным опытом человека и принципами познания реальности занимались создатели социальной феноменологии (А. Шюц, П. Бергман, Т. Лукман) и представители *cultural studies* (Р. Хогарт, Р. Уильямс, С. Холл, Э. Томпсон).

В рамках диалогического подхода культура как со-бытие, двунаправленный диалог, вне поля которого не существует ни культуры, ни человека, осмыслена в работах С. С. Аверинцева, М. М. Бахтина, В. С. Библера, В. Л. Рабиновича, А. С. Ахизера, А. В. Ахутина.

Интерпретационные схемы культурных и социальных антропологов объясняют конкретно-культурный материал, чаще всего «примитивных» обществ (Э. Тайлор, Ф. Ратцель, А. Рэдклифф-Браун, Б. Малиновский, Ф. Гребнер, У. Джеймс, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, Л. Фробениус).

Рассмотрение культурной реальности через экзистенциальные переживания человека, позволяющие увидеть предельные формы существования человека, осуществляли Г. Марсель, Н. А. Бердяев, Л. Шестов, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю, К. Ясперс.

Формы культурного бытия человека, влияние культурных институтов на формирование антропологических проектов осмыслялись в рамках философской антропологии М. Шелером, Х. Плеснером, А. Геленом, Х. Ортега-и-Гассетом, П. Т. де Шарденом, С. Жижеком, Г. А. Брандт, А. В. Головневым, С. Ф. Денисовым, П. Л. Зайцевым, Б. В. Марковым, И. Я. Мурзиной, Л. К. Нефедовой, В. В. Николиным, А. В. Перцевым, Д. В. Пивоваровым, Д. М. Федяевым.

Конструирование культуры через соотношения языка и действительности разработано у В. Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Л. Уорфа. Изучением языка культуры, его знаковой структуры также занимались: Л. Винтгенштейн, Ю. М. Лотман, Ч. Пирс, Ф. де Соссюр, Г. Фреге, а современную текстуальность рассматривали: Г. Г. Гадамер, Р. Барт, З. Бауман, Ж. Бодрийяр, М. Фуко, В. В. Библихин, В. С. Библиер, Ф. Гваттари, Б. Гройс, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Женнет, Ю. Кристева, Ж. Лакан, Ф. Лиотар, М. Липовецкий, У. Эко, Р. Рорти, Б. М. Гаспаров, В. П. Руднев.

Визуальный поворот в культуре описан в трудах С. С. Аванесова, М. Баль, П. Вирильо, Дж. Гибсона, И. Инишева, В. Л. Круткина, Л. Ю. Лиманской, М. Маклюэна, Ж.-Л. Марьона, Ж.-Л. Нанси, Е. Петровской, В. М. Розина, Е. В. Сальниковой, М. де Серто, А. Усмановой, П. Штомпки, Д. Элкинса. Исследованием природы визуального образа в искусстве занимались: Г. Зедльмайр, А. Варбург, Э. Панофский, Р. Арнхейм, Э. Гомбрих, В. Беньямин, Ги Дебор, Н. В. Злыднева, А. Фоменко. Не менее важными в рамках вопроса о природе визуального образа являются работы исследователей по фотографии (О. Арансон, А. Базен, Р. Барт, П. Бьянки, П. Вирилио, О. В. Гавришина, Б. Гройс, Ж. Делез, С. Зонтаг, Н. Сосна, П. Сафронов, В. Флюссер), медиа (П. Бурдье, Р. Дебрэ, М. Маклюэн, Э. Кастельс, Ф. Киттлер, М. Луман, В. В. Савчук, О. Брекледж), дизайну (Т. Ю. Быстрова, Р. Купер, У. Митчелл, Д. А. Норман, В. Папанек, П. Родькин, Д. Суджич), моды (А. Б. Гофман, Г. Зиммель, Ю. Кристева, Ж. Липовецкий, М. Хеллман, Э. Уилсон, Н. Уайт).

Понятия «антропокультурный» и «социокультурный» используются в исследованиях А. З. Баглиевой, В. Ю. Бирбкова, С. А. Боженькиной, Т. П. Ванченко, В. В. Гопко, И. Н. Грамбанова, И. А. Грешиловой, И. В. Грошевихина, А. А. Еромасовой, Р. Н. Иванова, Э. Г. Истоминой, А. М. Караева, Э. А. Коблевой, Т. А. Ковелиной, В. В. Колкутиной, Т. В. Котельниковой, Т. С. Лапиной, В. М. Марухно, Ю. Л. Пивоварова, Н. А. Пономаревой, С. А. Рассадиной, С. Н. Соломатовой, О. В. Ткаченко, Е. А. Хомченковой, Ю. В. Шичаниной, Л. А. Штомпель, О. М. Штомпель. Однако в работах перечисленных авторов данные понятия не анализируются. Определение понятия «антропокультура» в рамках исторической психологии дает В. А. Шкуратов.

Проблема исследования состоит в усиливающейся отчужденности культуры от человека, что находит отражение в философских концепциях культуры, а также проявляется в употреблении в философском дискурсе понятия «антропокультурный». Проблема исследования может быть решена посредством поиска ответов на следующие вопросы: Какова сущность антропокультурной реальности? Каким образом в антропокультурной реальности осуществляется взаимодействие человека и культуры?

Цель исследования – осмысление сущности антропокультурной реальности, установление способов ее вербальной и визуальной репрезентации.

Задачи исследования:

1. Выявить сущностные свойства антропокультурной реальности на основе анализа возможных отношений понятий реальности и действительности, определить содержание понятия антропокультурной реальности.
2. Зафиксировать значения антропного и культурного в культурфилософской традиции и установить принципы их формирования.

3. Дать теоретическое описание антропологических параметров культуры.

4. Сконструировать модель репрезентации антропокультурной реальности.

Теоретико-методологические основания диссертационного исследования

В диссертационном исследовании были использованы общеполитические методы, ключевым из которых является диалектический метод, позволяющий представить идею антропокультурной реальности в развитии и единстве ее внутренних противоречий. Метод сравнительно-исторического анализа применяется для рассмотрения культурных феноменов в их взаимосвязи и взаимовлиянии, а также для конструирования исторического контекста бытования культуры. Семиотический метод и метод герменевтического анализа позволяют выявить смысл культурных текстов. Применение постструктуралистского метода дает возможность выйти за пределы структурного анализа и рассмотреть динамику неструктурируемого феномена. Для анализа вербального и визуального способов репрезентации антропокультурной реальности были использованы феноменологические методы, позволяющие зафиксировать и описать принципы восприятия письма и изображения.

Подходы: системно-структурный, системно-функциональный, системно-целевой, системно-интеграционный, системно-коммуникативный (диалогический), ценностный.

Научная новизна исследования:

1. Определено понятие антропокультурной реальности, предложены модели, раскрывающие специфику отношений понятий реальности и действительности (тождество, частичное совпадение, подчинение, обратное подчинение), выявлены существенные свойства антропокультурной реальности.

2. Установлен философский статус антропного и культурного, реализуемый в противопоставлении естественного и искусственного через принципы аналога, бинарности и доминанты, выявленные в культуре.

3. Определены антропологические параметры культуры: родовые (социальность, вера, разум), видовые (возраст, раса, гендер), личностные.

4. Сконструирована четырехуровневая модель репрезентации антропокультурной реальности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Антропокультурная реальность – это область социального бытия, формирующаяся в ходе интегрирующего, контемпорального взаимодействия необходимых и существенных свойств человека и культуры. Антропокультурная реальность создает предпосылки для устойчивого сопряжения человека и культуры и снимает противоречие между искусственной и есте-

ственной природами. Антропокультурная реальность представляет собой выстраивание культуры из витальных ориентаций, биологических, духовных и душевных характеристик человека.

2. Сущностные свойства антропокультурной реальности: *конструируемость* (создаваема человеком); *контемпоральность* (актуальность и соотнесенность с современностью, характеризуется актуальным удержанием культурных смыслов, осуществлением их в рамках конкретного антропологического проекта); *контекстуальность* (вариативность, зависимость от конкретной культуры и от легитимных в пределах данной культуры антропологических проектов); *интегративность* (представляет собой пространство взаимодействия необходимых и сущностных свойств человека и культуры); *человекоразмерность* (в антропокультурной реальности бытие человека является осмысленным).

3. Типы отношений понятий реальности и действительности могут быть следующими: тождество; частичное совпадение; подчинение; обратное подчинение. Модели отношений способствуют определению сущностных свойств антропокультурной реальности.

4. Культура конструируема. Философский статус антропного и культурного представлен в ключевых принципах конструирования культуры: а) аналоговый принцип – посредством уподобления культуры зримому образу или аналогу; б) принцип бинарных оппозиций; в) принцип доминантной составляющей.

5. Антропологическими параметрами культуры являются: а) родовые: социальность, вера, разум; б) видовые: возраст, раса, гендер; в) личностные.

6. Четырехуровневая модель репрезентации антропокультурной реальности включает: а) мир (действительность); б) понимание (интерпретация мира); в) ценностное отношение к представленному и понятому; г) социальный порядок. Антропокультурная реальность репрезентируется в вербальных и визуальных текстах, архивирующих культурные смыслы.

Научно-практическая значимость исследования

Материалы исследования содержат теоретические положения, указывающие на границы применения антропных характеристик при моделировании культурной реальности, способные послужить основанием для разработки целостного подхода к проектированию культуры, направленного на формирование комфортной среды для жизнедеятельности человека.

Практическая значимость исследования заключается в возможности осуществления экспертизы культурных программ с целью определения заложенных в них антропологических проектов, культурных трендов и социальных моделей взаимодействия. Результаты исследования могут применяться для оценивания социальных, культурных, антропологических последствий внедрения новаций в повседневное измерение человека.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки учебных пособий и рабочих программ, в практике преподавания дисциплин «Философия культуры», «Философская антропология», «Прикладная культурология», а также спецкурсов и курсов по выбору студентов.

Апробация диссертационного исследования

Основные положения диссертационного исследования и результаты, полученные в ходе работы над диссертационным исследованием, были использованы в учебном процессе в ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского» при преподавании дисциплин «Теория и философия культуры», «Прикладная культурология», «Техники анализа текстов культуры»; были представлены на международных, всероссийских, региональных конференциях: Всероссийской научной конференции «Реальность. Человек. Культура: фундаментализм как тип мировоззрения. Ореховские чтения» (Омск, 2010), XVII Международной научно-практической конференции «Современный город: социальность, культуры, жизнь людей» (Екатеринбург, 2014), IV Сибирском философском семинаре «Современная философия в России: междисциплинарные исследования в контексте традиций и инноваций» (Омск, 2014), III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Визуальные образы современной культуры: традиции и новации в культуре мегаполиса» (Омск, 2014).

Апробация исследования осуществлена в рамках работы над грантом МУ-3/2013 «Гуманитарная экспертиза дизайн-проектов» в рамках грантов «Молодые ученые ОмГУ», приказ № 01-10/81 от 5 апреля 2013 г.

По теме диссертационного исследования опубликовано 32 статьи, в том числе 5 статей в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК РФ, издано учебное пособие «Техники анализа текстов культуры» (2014).

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, двух глав (в первой главе – три параграфа, во второй – два параграфа), заключения и библиографического списка, насчитывающего 273 наименования. Объем диссертации составляет 151 страницу.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень научной разработанности проблемы, формулируется проблема, ставится цель, определяются задачи исследования, выявляются теоретико-методологические основания, определяется научная новизна, описываются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается научно-практическая значимость исследования и апробация диссертационного исследования, описывается структура исследования.

В первой главе «Сущностные характеристики антропокультурной реальности» выявляется ограниченность философско-антропологического и культурологического подходов в описании явлений, имеющих двойную «юрисдикцию» – антропную и культурную, определяется понятие антропокультурной реальности.

В первом параграфе «Идея антропокультурной реальности в соотношении понятий реальности – действительности» уточняются аспекты дифференциации данных понятий. Проблема определения и употребления понятия реальности связана с тем, что, не входя в список традиционных для философии категорий, его использование философами было достаточно частым и произвольным, приводило к пониманию реальности как «нестрогого» синонима действительности.

К рассмотрению предлагаются следующие модели отношения действительности и реальности:

1. Тожество. Реальность и действительность понимаются как синонимы, поэтому все значения, закрепленные за действительностью, переносятся на реальность. Этот подход не имеет эвристического потенциала, так как не позволяет зафиксировать границы переходящих друг в друга понятий.

2. Частичное совпадение, пересечение значений понятий реальности и действительности. Данная модель основана на представлении о том, что существует некоторое общее поле смыслов, где реальность и действительность переходят друг в друга, и есть изолированные пространства смысла, где реальность и действительность наделены собственным значением.

3. Подчинение. Понятие реальности представляет собой более широкое по объему понятие, реальность включает в себя понятие действительности. Реальность понимается как мир в целом, а действительность – как актуализирующаяся в конкретное время в конкретном пространстве реальность. В данном значении действительность противопоставляется возможности как актуальность – потенциальности.

4. Обратное подчинение. Понятие действительности является более общим по сравнению с понятием реальности и включает в себя реальность. В онтологическом подходе под действительностью понимают истинно сущее, подлинное бытие, действительность первична и является основанием для всего остального. В рамках данной модели действительность соотносится с подлинным бытием, а реальность – с неподлинным.

Проблема соотношения понятий действительности и реальности опосредуется в вопросах бытия и познания, первопричины мира, первичности идеального или материального, о едином и многом.

Сконструированные и описанные модели отношения понятий реальности и действительности помогают определить сущностную наполняемость понятия «антропокультурная реальность». В ходе исследования были определены следующие сущностные свойства антропокультурной реальности:

конструируемость, контемпоральность, человекоразмерность, контекстуальность. Антропокультурная реальность конструируема, она связана с деятельностной активностью субъекта, с преобразованием действительности в реальность, с созданием человеком для себя удобного пространства для своего бытия; антропокультурная реальность соотносится с современной культурой, что делает ее контекстуальной, и характеризуется актуальным удержанием культурных смыслов, осуществлением и жизнепроживанием их в рамках конкретного антропологического проекта, что делает ее контемпоральной; также антропокультурная реальность соотносима с текстом, так как она собирается человеком из окружающей его действительности и объективируется при помощи различных символических систем.

Во втором параграфе «Антропное и культурное в типологиях культур» постулируются принципы анализа культуры в культурфилософских и культурологических исследованиях посредством выявления ключевых моделей конструирования культуры. Модель культуры, во-первых, собирается из окружающих исследователя явлений через уподобление культуры зримому образу, *аналогу – принцип аналогии* (образы: организм, географическая среда, машина, текст); во-вторых, выстраивается на основе определения *бинарных оппозиций – принцип бинарных оппозиций*; в-третьих, конструируется через *доминантную составляющую – принцип доминанты* (в качестве доминанты выступают язык, религия, искусство, наука, материальная составляющая).

Поиск связи между культурой и зримым образом основан на метафоричности мышления. Культура возводится к некоторому прообразу, который встречается в повседневности человека. Характеристики прообраза, его принцип устройства переносятся на культуру, которая начинает рассматриваться как воплощение данного образа. Наиболее популярным аналогом являлся *организм*. При уподоблении культуры организму культура понимается как нечто живое, растущее, эволюционирующее и, как следствие, конечное, так как конечен (смертен) любой организм. Наиболее известные аналогии культуры и организма мы находим в творчестве И. Г. Гердера, Г. В. Ф. Гегеля, О. Шпенглера.

Следующий продуктивный аналог для понимания культуры, связанный с природой, – *географическая среда*, а именно ее пространственный прообраз, также служил основанием для типологизации культур. На его основе формировалось представление о взаимоотношении культуры и ландшафта. Сторонники такого принципа (Ш. Л. Монтескье, Ф. Ратцель, Л. Фробениус, Н. Бердяев) связывали развитие культуры с той местностью, на которой культура зарождалась и развивалась.

Природа представляет собой не единственно возможный аналог для понимания культуры. Одним из важнейших творений культуры является техника, видимым образом которой выступает *машина* (Л. Мамфорд,

Г. Маркузе, К. Кизи). Идея «сделанности» культуры реализуется и в следующем аналоге – *тексте*. В XX в. обострился интерес к языку, возникло множество способов работы с текстом и его интерпретаций. В пределах данного подхода постмодернистскими философами мир трактуется как нарративный дискурс, что влечет за собой понимание культуры как заполненного цитатами интертекстуального поля, оперирование с которым происходит по законам текстуальности.

При постижении культуры через уподобление аналогу происходит подмена понятия культуры аналогом, свойства культуры замещаются свойствами аналога, само понятие культуры при этом не раскрывается.

При моделировании культуры на основе *бинарных оппозиций* определяется диапазон, в пределах которого формируется смысловое поле культуры. Определение бинарных оппозиций, как правило, происходит на основании какого-либо свойства культуры. Примерами «работы» данного принципа являются концепции Ф. Ницше о дионисийском и аполлоническом началах в культуре, А. С. Хомякова о кушитских и иранских культурах, П. Флоренского о ночных и дневных культурах, Л. Фробениуса о хтонической и теллурической культурах, К. Юнга об интроверсивных и экстраверсивных культурах. Каждый из авторов ведет поиски смысла культуры через ее полярные составляющие, анализ культур представляет собой разворачивание эвристического потенциала бинарных оппозиций. Каждая выделенная бинарная оппозиция представляется продуктивной только в пределах целостной концепции автора и не может служить объясняющей схемой для культурного материала, не вошедшего в концепт.

Принципом конструирования культуры является *определение доминанты в культуре*. Выделение доминантной составляющей при создании моделей культуры основано на представлении о том, что культура может быть выведена из сферы культурной деятельности, что представляется смыслозадающим для всей культуры. Классификация культур в рамках данного подхода выстраивается через ранжирование сфер культуры, например, когда культуры различают по языку, религии, искусству, науке или материальной сфере.

Одной из самых очевидных культурных доминант выступает *язык*. Каждая культура имеет свою языковую картину мира, мир культуры явлен в языке, то, что не имеет именования, считается несуществующим. Различия культур обосновывается различием языковых картин, каждая из которых представляет собой определенный способ концептуализации действительности. Своеобразие национального характера культуры находили в языке В. Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Л. Уорф. Культуру через коммуникативную составляющую рассматривали также М. Маклюэн, Ю. М. Лотман.

Следующей культурной доминантой является *религия*. Руководствуясь данным принципом, для того, чтобы познать культуру, необходимо по-

стичь религию, так как именно посредством нее происходило формирование основ культуры. Даже в секуляризованном обществе религия в снятом виде пронизывает культурные нормы и формы культурной деятельности. Религию и культуру соотносят в своих сочинениях Августин, Э. Тайлор, П. Флоренский, М. Вебер, Р. Нибура. Исследователями, обращающимися к религии как доминанте при конструировании понятия культуры, прева-лирование религии в культуре может расцениваться не только как индикатор идеального состояния культуры, но и как ее негативная характеристика. Эта традиция начинается с Ф.-М. Вольтера, а продолжается в трудах З. Фрейда и Р. Докинза.

Если в качестве сферы, выступающей доминантной для конструирования культуры, служит *искусство*, то акцент переносится на творческое начало культуры. Примеры такого понимания культуры мы можем встретить в работах М. М. Бахтина, С. С. Аверинцева, В. С. Библера. На волне сциентистских устремлений XX в. в качестве культурной доминанты стала пониматься *наука*. История науки, по Дж. Берналу, приравнивается к истории культуры, именно в ней происходит все существенное в развитии человечества, а описанные В. С. Степиным типы научной рациональности подаются как типы культуры.

Культуры различаются исходя из их *предметной, материальной составляющей* или принципов материального производства. В таких исследованиях первичным является вещественная сторона культуры, а духовная признается зависимой от материального оснащения и сил, способствующих достижению некоего материального качества. В работах К. Маркса смена общественно-экономических формаций или этапов развития культуры связана со сменой производственных отношений. В работах Ф. Гребнера границы культурных кругов определяются исходя из используемых в культурных практиках вещей.

Выделенные модели позволяют исследователям работать с особенным в культуре, соотнося отдельное культурное событие с идеальными образцами, причем каждый подход в процессе интерпретации высвечивает нечто свое, провоцируя философов и культурологов на эклектику и эмпирический поиск мультиметодологии. При построении теоретического ядра исследователями, как правило, указываются внеантропные характеристики, ключевые свойства культуры, куда человек оказывается уже вписанным. Человек рассматривается как носитель культуры, но не как ее творец, константы человеческого бытия при моделировании культуры не учитываются. Подобная ситуация, описанная, в частности, постмодернистами, объясняется пластичностью антропных характеристик. Культура же должна жить на жестких основаниях. Каждая из представленных типологий фиксирует значимую для культурной реальности характеристику, проясняющую и природу культурной реальности, и антропное свойство, отраженное

в культурной реальности и эксплицированное в понятии культуры. Хотя непосредственно в основание описанных моделей не положены антропные характеристики, они присутствуют внутри выделенных типологий культурной реальности. Антропное в культуре не проявлено, хоть имплицитно в ней содержится, что имеет существенные как культурные, так и антропологические последствия: культура все более дробится, работы, пытающиеся охватить культурную реальность как целое, сменяют поиск трендов культурного развития, человек дистанцируется от собственной культурной традиции, теряется в экзотике культурных новаций. Указанное делает актуальным создание теоретической площадки, на которой антропные и культурные константы взаимодействовали бы в рамках единой реальности.

В третьем параграфе «Антропологические параметры культуры» устанавливаются границы применения антропных характеристик при конструировании культуры; выявляются антропологические параметры культуры: родовые, видовые, личностные; определяется понятие антропокультурной реальности.

Анализ природы человека как философской проблемы сопровождается попытками выделить его родовую характеристику. Выделение родовой характеристики человека для понимания его природы отражалось и на свойствах культуры. Понимая в качестве своей ключевой характеристики то или иное свойство, человек организовывал культурную реальность соответствующим образом. Можно зафиксировать, как на формирование культурной реальности оказывали влияние выделяемые родовые характеристики человека: *социальность, вера и разум*. Выбор данных характеристик в качестве репрезентантов родовой сущности человека в культуре обосновывается доминированием их в разные исторические этапы развития культуры, что также было отрефлектировано самими представителями этих культур и текстуально зафиксировано. Такая родовая характеристика человека, как социальность, была наиболее проявлена в Античности и в культуре XX в., разум мыслился доминирующей характеристикой человека в новременной культуре и в эпоху модерна, а вера – в Средние века.

Понимание человека через такую родовую характеристику, как *социальность*, связано с тем, что образ человека конструируется через его функцию, выполняемую в культуре, а культура выстраивается на идее гармонии, сопряженности элементов в единое целое. В массовой культуре, в том числе в связи с глобализацией, понятие гармонии подменяется понятием унификации, согласованность элементов заменяется их уравниванием. Идея культуры как системы, состоящей из непротиворечивых элементов, в своем пределе превращается в свою противоположность – во всеобщее уравнивание ценностей, упрощение и стандартизацию потребностей.

Переоценить роль *веры* в культуре и ее влияние на культуру сложно. Именно с феноменом веры связано возникновение ценностей в культуре.

Табуирование отдельных сфер жизни основано на вере в непреложность устанавливаемых запретов. Наличие табу влечет за собой преобразование повседневности, изменение поведенческих практик, которые формируются под воздействием представления о присутствии в порядке человеческой деятельности космического порядка. В истории культуры происходила смена форм и предметов веры. Понятие веры раскрывается не только в религии, предмет веры в истории менялся, вера в Бога сменялась верой в силы Природы, в безусловную власть управляющих ею Законов, веру во всемогущего Вождя сменила вера в ценность каждого Индивида и его потребностей.

С пониманием *разума* в качестве родовой характеристики человека связано зарождение наук о культуре. Культура разумна, когда есть культ разума. Утверждение “*cogito, ergo sum*”, положенное в основание науки, вкупе с установкой на активное познание и преобразование окружающего мира сделали возможным создание искусственной технической среды. Культ разума достигает предельных значений в тоталитарных режимах, презентующих миру свою разумность и целесообразность. Тоталитарное государство отличает монополизация процесса принятия решений, планирование экономики, управление и контролирование всех сфер деятельности – одним словом, воплощенная рациональность. Ответную реакцию на это можно наблюдать в теории культуры XX в., когда культура стала интерпретироваться через *неразумность*. Однако трактовка культуры как шизореальности также представляется нам тупиковой, ведь в данном случае мы скорее видим противостояние логоцентризму и диагностирование состояния культуры в конкретный исторический период, чем универсальный способ и метод работы с культурным материалом.

За пределами философских генерализаций попытки придать культуре человеческий облик были реализованы в понимании культуры через *отдельную личность*. При этом либо эстетизировалась личность и в ее образе пропадали черты живого человека, либо изъяны отдельной личности начинали транслироваться на образ культуры.

Попытки рассмотреть культуру с учетом антропологических параметров также осуществляются в виде списывания культуры с видимых свойств человеческой природы. В качестве таких свойств выступали *возраст, раса, гендер*. Стоит отметить, что ни один из предложенных способов не позволяет приблизиться ни к пониманию человека, ни к пониманию культуры.

Размещение культур на определенных ступенях развития в соответствии с их предполагаемыми *возрастными* показателями для теории культуры не является продуктивным, а для философии культуры не выступает в качестве работающей методологической модели. Осуществленное ранжирование, исходящее из того, что некоторые культуры признавались детскими, т. е. недоразвитыми, другие – зрелыми, а следующие – умирающими, не всегда оказывается правомерным.

Специфику развития и бытия культур теоретики пытались объяснить делением человечества на *расы*. В исследовании установлено, что дискуссия полигенистов и моногенистов по вопросу происхождения и специфики рас продолжается в спорах о *гендере*, устойчивой антропной характеристике, предполагающей членение всего человечества на два вида. Значимым является то, что вопросы о гендере в первую очередь возникли в связи с преодолением неравноправия полов, это свидетельствует о том, что дискурс о гендере представляет собой модификацию дискуссии о происхождении видов. Идея различия полов, с присущим каждому из полов набором устойчивых характеристик, транслируется на культурный материал. При этом голоса условных «моногенистов», считающих, что различия между полами незначительны и не порождают особой культурной реальности в виде мужской политики и женского письма, тонут в общем гендерологическом единодушии разводить мужские и женские качества и проецировать их на мужские и женские культуры.

Философами и теоретиками культуры один и тот же культурный материал интерпретируется по-разному, в пределах каждой отдельно взятой модели культуры используется свой способ трактовки материала. Всё зависит от того, что положено в основание моделирования и классификации культур. В рассмотренных концепциях можно найти только отдельные антропные характеристики культуры, целостная картина антропокультурной реальности подлежит формированию посредством фиксации ее сущностных свойств.

Сущностные свойства антропокультурной реальности:

- конструируемость (создаваема человеком);
- контемпоральность (актуальность и соотнесенность с современностью, характеризуется актуальным удержанием культурных смыслов, осуществлением их в рамках конкретного антропологического проекта);
- контекстуальность (вариативность, обусловлена конкретно-историческими культурными реалиями, антропокультурная реальность зависит от конкретной культуры и от легитимных в пределах данной культуры антропологических проектов);
- интегративность (представляет собой пространство взаимодействия необходимых и сущностных свойств человека и культуры);
- человекоразмерность (в антропокультурной реальности бытие человека является осмысленным).

Антропокультурная реальность – это область социального бытия, формирующаяся в ходе интегрирующего, контемпорального взаимодействия необходимых и существенных свойств человека и культуры. Антропокультурная реальность создает предпосылки для устойчивого сопряжения человека и культуры и снимает противоречие между искусственной и естественной природами. Антропокультурная реальность представляет собой

выстраивание культуры из витальных ориентаций, биологических, духовных и душевных характеристик человека. В пределах антропокультурной реальности формируется комфортная среда для жизнедеятельности человека. Антропологические проекты и культурные смыслы антропокультурной реальности объективируются в вербальном тексте и в визуальных образах. Антропокультурная реальность есть связь продуктов человеческой деятельности, обеспечивающих сферу пребывания человека для осуществления его родовой человеческой сущности.

Во второй главе «Способы репрезентации антропокультурной реальности» раскрывается характер вербального и визуального принципов репрезентации антропокультурной реальности, строится четырехуровневая модель репрезентации антропокультурной реальности.

В первом параграфе «Вербальный и визуальный способы конструирования антропокультурной реальности» рассматриваются последствия текстуального и визуального поворотов в культуре, показываются различия в принципах конструирования антропокультурной реальности вербальными и визуальными средствами.

Произошедший в начале XX в. лингвистический поворот позволил осмыслить неявленную структуру текста, установить роль текста в культуре, принципы создания и функционирования дискурсов. Проблема текста была признана центральной почти во всех науках, однако понимание условности порождаемой текстом реальности, зависимости человека от языка, невозможности говорить о мире как таковом и неизбежности осмысления лишь мира, данного в слове, в тексте, не могло не породить внутри текстологического дискурса сомнения в его действительной ценности, осознания того, что текст может не соотноситься с действительностью, о которой, как казалось, он должен повествовать. Потеря доверия к слову связана с неопозитивизмом, постструктурализмом, нивелирование письма как репрезентанта культурных смыслов стало возможно благодаря визуальному повороту, произошедшему в гуманитарных науках XX в., который был вызван вниманием к новому альтернативному способу создания реальности и репрезентации действительности – к изображению.

Визуальный поворот в культуре связан с переходом от накопления визуальных образов к их трансляции, что сопряжено с трансформацией способов создания и распространения визуальных образов. Появляются новые визуальные практики (фото, видео, медиа и т. д.), происходит институализация визуальных исследований и зарождение дискурса визуальности за пределами искусствознания (теория моды, философия фотографии, философия и теория дизайна, медиология, визуальная антропология, визуальная социология). Возникновение визуальной антропологии и визуальной социологии вызвано неудовлетворением в словесном описании мира и культуры и верой в адекватность визуально-образной фиксации культуры. Вы-

ражение Хайдеггера «Язык есть дом бытия» было всеобъемлющей объясняющей формулой, так как действительно язык был доступным и осмысленным инструментом описания мира. В современной философии осмысляются новые способы репрезентации действительности, которые в перспективе имеют шанс стать конкурентной методологией, что постулируется современными исследователями, которые осваивают этот подход и разрабатывают методологию анализа визуальной культуры.

В параграфе рассмотрено, как определяются различия в восприятии изображения и письменного текста в современном гуманитарном дискурсе. Письменный текст и визуальный образ долгое время сосуществовали вместе, поэтому письмо оказывало большое влияние на принципы создания и функционирования визуальных образов.

Письменный текст и изображение неоднородны, в связи с этим можно выделить два типа письменности и два типа визуальных образов. Визуальный образ может иметь повествовательный характер, т. е. сближаться по своей природе выражения и построения с вербальным текстом, представлять собой визуализацию, иллюстрацию вербального текста, а может иметь внетекстуальную, внеповествовательную (образно-пространственную) природу, когда образ создается и функционирует вне связи с вербальным текстом.

Разные типы письменности могут тяготеть либо к логико-вербальному конструированию мира, это можно увидеть на примере фонетического письма, либо к образно-пространственному, что прослеживается в идеографическом письме. Влияние разных типов письменности на развитие культуры описано в работах М. Маклюэна. В фонетическом алфавите буквы и слоги слова не соотносятся с явлениями действительности, соотносимы лишь целые слова. Тексты, построенные на алфавитном письме, представляют собой логико-вербальный принцип постижения действительности. Идеографическое письмо повторяет зримые образы окружающей действительности, таким образом, этот тип письменности по своей природе миметичен и представляет собой образно-пространственное осмысление действительности. Таким образом, тип текста детерминирует главенствующий в культуре способ концептуализации действительности.

Предложенная типология письма и изображения, предполагающая подразделение вербальных текстов и визуальных образов на два подтипа (логико-вербальные тексты и образно-пространственные тексты; текстуальные визуальные образы и внетекстуальные визуальные образы), показывает, что выделить в чистом виде вербальный (логико-вербальный) и визуальный (образно-пространственный) способы конструирования реальности можно лишь условно. Существование переходных промежуточных подтипов демонстрирует сложность дифференциации.

Проблема интерпретации изображения связана с отсутствием адекватной методологии, позволяющей анализировать визуальные образы. Прого-

варивание изображенного лишает изображение собственного смысла и сводит весь смысл изображения к вербальному тексту.

Процесс видения, взгляд во многом детерминирован языком, в первую очередь видимо то, что имеет свой эквивалент в языке, то, что названо, а то, что не названо, не записано, это не имеет традиции осмысления, оно (видимое, но нераспознаваемое и неназываемое) словно и не существует для культуры, отложено для осмысления, находится в ожидании своего слова. Выбор определенного слова, перевод визуального образа в вербальный нарратив сопряжен с тем, что это есть одновременно выбор картины мира и, следовательно, назначение визуальному образу интерпретационной модели, легитимной в пределах выбранной картины мира. Желание изображение «прочитать» во многом связано с инерцией культурных практик, доминированием логоцентризма, желанием найти внятный артикулируемый смысл. Отказ от логоцентризма влечет за собой актуализацию интереса к иным внедискурсивным и маргинальным практикам.

Вербальный текст и визуальный образ предстают как два способа репрезентации антропокультурной реальности. Специфика репрезентации антропокультурной реальности, выбор человеком принципа выражения (вербального или визуального) детерминирует культурную реальность: вербальный принцип репрезентации антропокультурной реальности отличается наличием единого последовательного, взаимосвязанного нарратива и логики изложения, что позволяет говорить о соотносительности текста с классической древовидной культурой; визуальный принцип объективации создает множественную, ризоматичную, дробную, калейдоскопичную реальность, но при этом воспринимаемую целостно и более непосредственно. Характеристики логико-вербального мышления: последовательность, рациональность, абстрактность, сосредоточенность на существенных признаках, что представляет собой иллюстрацию принципа экономии мышления, работа с готовыми схемами, использование классификаций – соотносимы с принципами создания и функционирования текста в культуре. Характеристики образно-пространственного мышления: целостность восприятия и при этом контекстуальность, множественность связей, их непоследовательная детерминированность, ассоциативный характер обнаружения взаимосвязей – соотносимы с принципами восприятия визуальных образов.

Во втором параграфе «Репрезентация антропокультурной реальности в тексте» текст исследуется как способ репрезентации антропокультурной реальности, объективирующий культурные и антропные смыслы, а также способ создания и преобразования культуры.

На основе анализа сакральных, научных, философских, художественных и изобразительных текстов была сконструирована четырехуровневая

репрезентативная модель, применение которой оказывается оправданным по отношению ко всем культурным текстам.

Репрезентируемые текстом смыслы представлены в единстве и демонстрируют многослойный срез антропокультурной реальности. В тексте одновременно репрезентируются: 1) мир (действительность); 2) понимание (интерпретация мира); 3) ценностное отношение к представленному и понятому; 4) социальный порядок. Эта схема является универсальной репрезентативной четырехуровневой моделью.

1. Мир репрезентирован в тексте потому, что текст содержит схему, картину мироустройства (или предполагает наличие определенной схемы). Но мир, отраженный в тексте, не в полной мере идентичен реально существующему миру, так как отображение мира в тексте происходит посредством интерпретации.

2. Мир, представленный в тексте, – это мир в понимании конкретного человека в конкретную эпоху. Здесь следует вспомнить исследования медиевистов Л. М. Баткина, установившего взаимосвязь между культурной ситуацией и вкладываемым в понятие личности значением, и А. Я. Гуревича, выдвинувшего положение о том, что каждой эпохе присуща своя категориальная система координат, в которой отражена специфика этой эпохи, – изменяется культура, вместе с ней меняются антропологические модели, легитимные в пределах этой культуры.

3. В тексте отражается ценностное отношение к описываемому миру. Текст репрезентирует мир и культуру с учетом антропологических характеристик, а также с учетом той преобладающей ценностной системы координат, которая является господствующей в данной культуре. Посредством текста архивируются культурные смыслы и антропологические модели. Но при разархивировании текста и воссоздании антропокультурной реальности культурное и антропное преобразуются, так как субъект, обращаясь к тексту, интерпретирует заложенные в нем смыслы с учетом не только ценностной модели, заложенной в тексте, но и своей собственной ценностной модели.

4. В определении антропокультурной реальности указано, что антропокультурная реальность есть вид социального бытия. Антропокультурная реальность связана как с преобразованием индивидуального антропологического проекта, так и с архивированием, запечатлением антропокультурных смыслов в тексте, что предполагает возможность их воспроизведения, а также изменения социальной реальности в соответствии с этими смыслами.

Концепция познания отражает модель понимания субъектом мира, себя в мире и оценку данной модели. Систематизация вариантов познания позволяет говорить о разной смысловой наполняемости модели репрезентации антропокультурной реальности. Посредством анализа классической, неклассической и постнеклассической культуры с точки зрения домини-

рующих в этих культурах концепций познания была установлена специфика принципов объективации антропокультурной реальности в каждом типе текста и культуры. В параграфе были соотнесены субъектно-объектная / субъектно-субъектная традиции в методологии познания и принцип построения, понимания и интерпретации текста.

Антропокультурная реальность конструируема, текст является одним из инструментов формирования реальности. В тексте фиксируются существенные свойства антропокультурной реальности: конструируемость, контекстуальность, контемпоральность, интегративность и человекоразмерность. Текст содержит вербально и визуально упакованные культурные и антропные смыслы, которые воплощаются в картине мира, принципах организации культурного пространства и времени, в модели социума (которая в том числе имеет визуальные маркеры), в мировоззрении и ценностях. Антропокультурная реальность текста проявляется также в том, что в тексте содержатся представления о вере, разуме, социальности, сферах духовной культуры (религия, искусство, наука), моделях телесности, которые проявлены в культурной реальности и вербально, и визуально.

В заключении делаются основные выводы диссертационного исследования и намечаются перспективы дальнейшей работы по данной теме.

Основное содержание диссертационного исследования отражено в следующих публикациях:

Статьи в научных изданиях, входящих в перечень ВАК для опубликования научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Оводова, С. Н. Актуальное и потенциальное в современной антропокультурной реальности / С. Н. Оводова // Вестник Омского университета. – 2012. – № 3 (65). – С. 62–63.
2. Оводова, С. Н. Слово и визуальный образ в современной культуре / С. Н. Оводова // Вестник Омского университета. – 2013. – № 1 (67). – С. 151–153.
3. Оводова, С. Н. Идея реальности в философских понятиях и метафорах / С.Н. Оводова // Омский научный вестник. – 2013. – № 4 (121). – С. 101–105.
4. Оводова, С. Н. Критерии и принципы проведения гуманитарной экспертизы дизайн-проектов / С. Н. Оводова // Омский научный вестник. – 2013. – № 5 (122). – С. 232–235.
5. Оводова, С. Н. Проектирование антропокультурной реальности посредством дизайна / С. Н. Оводова // Вестник Омского университета. – 2014. – № 1 (71). – С. 136–142.

Статьи, доклады, тезисы в других научных сборниках и журналах:

6. Оводова, С. Н. Визуальное воплощение и текстуальное выражение смысла / С. Н. Оводова // Культурное наследие и перспективы социокультурного развития России: визуальные формы межкультурных коммуникаций – прошлое и настоящее. Культурологические чтения 2012 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Екатеринбург : ФГАОУ ВПО УрФУ, 2012. – С. 253–257.

7. Оводова, С. Н. Культурные коды в визуальных образах человека / С. Н. Оводова // Визуальные образы современной культуры: уральско-сибирские диалоги : сб. науч. ст. по материалам всерос. науч.-практ. конф., 24 апреля 2012 / редкол. : П. Л. Зайцев и др. – Омск : Амфора, 2012. – С. 53–57.

8. Оводова, С. Н. Антропокультурное проектирование реальности в процессе воспитания / С. Н. Оводова // Культура, наука, образование в духовно-нравственном воспитании : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. М. Шкарупа. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2012. – С. 99–101.

9. Оводова, С. Н. Противоречие между культурфилософской и философско-антропологической моделями реальности / С. Н. Оводова // Реальность. Человек. Культура: философия конфликта. IV Ореховские чтения : материалы Всерос. науч. конф. (Омск, 14 декабря 2012 г.) : в 2 ч. Ч. 1. Сущностные характеристики конфликта и конфликтного сознания / отв. ред. С. Ф. Денисов. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2012. – С. 53–57.

10. Оводова, С. Н. Антропное измерение города: культурологическая экспертиза / С. Н. Оводова // Человек в мире культуры: региональные культурологические исследования. – 2012. – № 4. – С. 50–53.

11. Оводова, С. Н. Визуальная проявленность антропокультурного городского проекта / С. Н. Оводова // Визуальные образы современной культуры: уральско-сибирские диалоги (визуальные маркеры городской среды) : сб. науч. ст. по материалам всерос. науч.-практ. конф., 29–30 апреля 2013 г. / редкол. : П. Л. Зайцев и др. – Омск : Амфора, 2013. – С. 91–95.

12. Оводова, С. Н. Текст в постнеклассической культуре / С. Н. Оводова // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Е. – 2014. – № 7. – С. 109–113.

Подписано в печать 13.07.2015. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 1,5 Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ Ш-76.

Отпечатано в типографии ОмГПУ,

Омск, наб. Тухачевского, 14, тел./факс: (3812) 23-57-93